

Борис Верхоустинский

Идиллия

Борис Алексеевич Верхоустинский

Идиллия

Аннотация

«За стеною пробилось восемь часов.

Валерий вытянулся и проснулся. Мельком взглянул на клавиши ремингтона на столе, потом заинтересовался узором обоев. Преуморительные кружки – голубые и красные; как звенья цепи... А в середине черные точки...»

Борис Верхоустинский

Идиллия

За стеною пробило восемь часов.

Валерий вытянулся и проснулся. Мельком взглянул на клавиши ремингтона на столе, потом заинтересовался узором обоев. Преуморительные кружки – голубые и красные; как звенья цепи... А в середине черные точки.

Однако, холодновато: проклятая хозяйка, вероятно, вместо дров кладет в печку свои сорокалетние мечты. Негодная баба.

У Валерия похолодел кончик носа, а ноги – как две ледяшки.

Стал искать носки, – не находит. Не на стуле ли? Нет: юбка, штаны, кофточка, лиф и жилетка, а носки бесследно исчезли.

– Неужели под кроватью?

И вдруг взор Валерия останавливается на единственном украшении комнаты – портрете Бакунина в ореховой рамке.

– О, разбойница... Она их закинула!

Из-за рамки выглядывает заштопанная пятка носков.

– Хорошо-с!

Валерий смотрит на розоватое лицо подруги, на кудряшки темно-русой косы, и думает, что не дурно бы ее поцеловать в эти алые губки или в закрытые глаза с длинными ресни-

цами-стрелками, но Маруся поворачивается во сне спиной к своему другу, и Валерий вспоминает бесповоротное решение.

– Хорошо-с.

Он энергично прикладывает подошвы своих ног к теплым ногам подруги, она просыпается.

Возмущенная, негодующая, разгневанная:

– Как это глупо!

– Недостойно мыслящего человека!

– Ты дурак!

И говорит голосом, холодным, как подошва Валерия:

– Издевайся! Издевайся... Я ведь слабее тебя.

Потом замолкает, смертельно оскорбленная и надменная, как средневековая принцесса.

Никогда! Никогда она этого ему не простит. Никогда она этого не забудет. Напрасно он ее принимает за какую-то самку, с которой можно все делать. Нет-с, гражданка она... Возьмет сейчас – оденется и уйдет, и ему не видать ее, как своих ушей!

– Милая! – отчаивается Валерий, – прости: ей-Богу, нечаянно; родненькая, не сердись...

Но нет, – она нема, как могила.

Совесьть угрызает Валерия: что я наделал! Боже, что я наделал!

Продолжительное молчание, преисполненное терзаний.

Валерий хочет сплутовать, он говорит спокойным голо-

сом, словно ничего не случилось:

– Какая прекрасная статья в последнем номере журнала...

Гм! О синдикатах... Удивительная статья!

Но тщетно: ни звука, ни слова.

Тогда Валерий начинает задабривать разгневанную гражданку...

– Маруся, хочешь, я вычищу твои башмаки? Они порыжели.

Но нет и нет: вырыта яма, зарыто все прошлое, ласковое и сердечное. Валерий представляет себе, как одевается маленькая гражданка, как она уходит, не попрощавшись с ним, и как он становится одиноким:

«Один! Один! Ужасно ведь это».

– Не мучай меня, родная, – умоляет он, а коварная подруженька прислушивается, зарывшись кудрявой головой в подушки, и торжествует.

– «Любит, негодный, любит!»

Валерий продолжает раскаиваться, и в словах его уже неподдельное горе.

– Довольно! – решает оскорбленная принцесса, повертывается лицом к печальному Валерию и строго произносит:

– Дай укушу твое плечо.

– Милая! – радуется Валерий, мужественно расстегивая ворот рубашки и обнажая плечо, – валяй.

Грехопадение и искупление греха.

Острые зубки медленно впиваются в тело. Но сладка эта

боль Валерию.

... Скоро порвется кожа и брызнет красная кровь. Валерий терпеливо ждет, крепко стиснув зубы и с сияющей улыбкой на лице.

А в Марусе спорят два человека – сердитый и ласковый, – оба живут в ее юном сердечке и вечно ссорятся между собой.

– А вот и укушу-у-у...

– Больно ему, не надо... хороший ведь он.

– А зачем обидел?

Но ласковый человек вынимает из кармана носовой платок и собирается заплакать.

– Какая злая! Какая злая... ай-ай-ай, какая злая.

Белые зубки разжимаются, на плече остается лишь ярко-красный венчик.

Целуются и хохочут. Толстый кот стремительно выскакивает из-под одеяла, где он спал, – веселая хозяйка дернула его за хвост.

– Вставай, негодник! Вставай, вороватый кот!

Кот спускается на пол, вскакивает на стул около стола – и начинает приводить в порядок свой туалет. Лижется-умывается, чистит дымно-серую шубку и белые тифельки, такие округленные, бархатные, но с целой коллекцией острых когтей.

– А я уже на этого плута подумал, – говорит Валерий про носки, – а потом хотел отплатить тебе, когда увидел.

– Я тебе отплачу! – смеется маленькая гражданка и кладет

голову на грудь Валерия:

– Рассказывай сказки!

– Помилуй, родная, пора вставать.

– Чепуха! Прошу не противоречить. Рассказывай сказки.

И зажмуривает глаза.

Что с ней поделаешь?! – Валерий гладит шелковую голову подруги и рассказывает ей сказки.

– Лес... И в лесу темно, и в лесу дикая воля. Глухой-глухой лес. Стучит-гудит, говорит стародавние былины. О кладах, зарытых в древние времена, о серой птице, потерявшей своего птенчика.

– ...У тебя растут золотые усики, – шепчет маленькая гражданка, приподняв голову и всматриваясь в лицо своего покорного друга, – ну, дальше.

– Шумит-гудит вещей лес: «внуки мои, слушайте древнего меня!» – Из нор выползают серые волки, а граф-медведь сидит у своей берлоги и почесывает правого лапой брюхо: «слушаем, слушаем, дедушка-Бор!»

– Кунигунда ждет своего Оскара...

– Кунигунда ждет своего Оскара, – задумчиво качают головами волки, а граф-медведь почесывает лапою брюхо и, шумно отрыгнув, важно повторяет: «ждет своего Оскара».

– Оскара, – шепчет маленькая гражданка, проводя пальчиком по верхней губе любимого.

– Но Оскар не приходит, Оскар позабыл. Не гремит железный меч, задевая о сучья, не стучат стрелы в его медном

колчане, не стонет хворост под его ногами... «Внуки мои, слушайте древнего меня!» – Плачет Кунигунда, и вянут цветы от ее горя, и осыпается листва с кряжистых дубов. Оскар позабыл, Оскар не приходит. – Бедная Кунигунда!.. «Бедная Кунигунда!» – качают головами серые волки, граф-медведь чешет правую лапой брюхо, а левую утирает горькую слезу.

– Бедная! Б-б-бе-едная К-к-уни-ггунда! – всхлипывает он.

– ...Под раскидистым дубом, на ясной поляне, лежит Оскар со стрелою в широкой груди, и вороны клюют его светлые очи.

– Внуки мои, слушайте древнего меня – это было давно...

– Все! – смеется Валерий, а его шаловливая союзница задумчиво смотрит в его глаза и шепчет: «Я твоя Кунигунда. Зови меня Кунигундой».

– Пора вставать, дорогая.

– Сейчас.

Тут они замечают грабителя-кота, сидящего на столе, около ремингтона, и поедающего оставленное без крышки масло.

– Черт возьми, он, кажется, хочет все слопать.

– Мерзкий кот! – соглашается маленькая гражданка и с горечью сообщает, что это масло предназначалось для манной каши.

– Прогнать? – спрашивает Валерий, но она укоризненно замечает ему, что пусть себе, бедный кот, вероятно, голоден.

– Каждому по потребностям.

– О, да, – каждому по потребностям! – одобряет Валерий, и они добродушно наблюдают за обжорой в дымно-серой шубке.

– Придется есть кашу без масла.

– Дорогая! Вторую неделю манная каша... Это скверно.

– Очень скверно! – хохочет Маруся. – Как маленькие дети... Их тоже ею откармливают...

– Надо что-нибудь придумать.

– За переписку еще не скоро, – грустно вздыхает маленькая гражданка. – Нет сахару...

– И табаку.

– И булок...

– Безобразие!

– Да.

– Надо что-нибудь придумать.

– Надо, родной, обязательно надо.

Маруся с озабоченным видом перегибается через Валерия, берет со стула его брюки и смотрит на свет.

– Знаешь, совсем протерлись...

– Это худо! – со стоическим спокойствием отвечает Валерий, и они задумываются.

Кажется, попали в тупик: есть руки, – работы нет. Месяца три тому назад Валерия прогнали с места, – он был конторщиком.

Приходится круто.

Вдруг, – богатая мысль.

Валерий вскакивает с кровати и подходит к столу. Прожорливый кот подозрительно взглядывает на него и думает: – не убежать ли? – но, в конце концов, решает, что не стоит, и хладнокровно продолжает вылизывать масло. Эге! Вероятно, этот кот – коммунист, не только по натуре, но и по убеждениям.

А Маруся покатывается с хохоту.

– Валик! Ты сейчас страшно похож на покойника: белый весь.

Но Валерий торопливо перелистывает рукопись, которую дали переписывать маленькой гражданке, и что-то соображает.

– Эврика! – победно возглашает он и снова возвращается на кровать.

– Нашел!

– Ну? – нетерпеливо недоумевает Маруся, – говори же скорей.

– Мы тоже напишем...

– Что?

– Рукопись, большую рукопись со многими строчками... После этого мы получим много денег, купим сахару и, кроме того, будем обедать, а манную кашу ко всем чертям!..

– Вот видишь ли! – наставительно замечает Маруся, – я всегда говорила, что не пропадем, а ты уже начал ныть. Возьмем и напишем.

– О, да! Возьмем и напишем! – восторгается Валерий, целуя маленькую гражданку в алые губки, – да еще как напишем!

Торжественная тишина, за стеной бьет полчаса девятого.

– Итак, начнем.

– Знаешь, милый, что-нибудь философское, чтобы не всем было понятно, – задумчиво предлагает Маруся, решительно сдвинув свои густые брови.

Но Валерий с этим не соглашается, и она, разубежденная, уступает.

– Ну, тогда кое-что о Сервантесе.

Они обдумывают «кое-что о Сервантесе».

– Сервантес был вдохновенный человек! – глубокомысленно начинает Маруся и морщится, – а потом о Дон-Кихоте и... положи под мою голову свою руку, так будет удобнее.

Они снова задумываются. Сперва Маруся настойчиво размышляет о Сервантесе, но постепенно ее мысли переходят к манной каше, которою они уже вторую неделю питаются. Если бы еще на молоке, а то на самой обыкновенной воде...

– Плохо, Валик.

– Да, плохо.

– Не написать нам большой рукописи.

– Не написать.

Становится грустно.

Но двигается неуклонное время и толкает в соседней комнате маятник часов.

– Девять.

* * *

– Моя Кунигунда!

– А ты – мой Оскар!

А Оскар стоит на коленях перед своей Кунигундой и застегивает ей башмаки.

– Ага! Оторвал пуговицу... Целуй руку, негодяй...

Он отрывает еще одну пуговицу, чтобы быть снова наказанным, но ошибается – Кунигунда треплет его за ухо:

– Пришей, сейчас же пришей!

Валерий снимает башмак, садится на стул, возится с нитками и иглой, а нетерпеливая Кунигунда торопит.

Наконец, все исправлено – башмак надет; жирная хозяйка приносит ярко начищенный самовар.

Все есть: стакан, чашка, два блюдечка и одна ложка; кроме того, в коробке из-под конфет целая четвертка чая. Однако, сахару нет и булок нет, но человеку дана находчивость.

– Знаешь, Валик, у нас есть плиточка зеленого сыру.

– Ого! – удивляется Валерий.

– Ну, да, вместо сахару... Очень питательно.

И они, весело балагуря, пьют чай, закусывая питательным зеленым сыром, потому что не унижаться же перед хозяйкой, не просить же у нее в долг. Нет! Нет! К черту просьбы, к черту все одолжения.

Самовар презрительно пофыркивает и надменно отдувается белым паром.

– Хоть бы улететь куда на воздушном шаре! – грустно говорит Маруся, потому что зеленый сыр с чаем все-таки мерзкая штука.

– Да, родная, – нахмуривается Валерий, и Маруся видит, как появляется злая-злая складка на этом белом лбу, который она так любит целовать.

Дело не в сыре, а в том, что мешают жить и любить.

Тоскует Валерий.

– Не горюй, Валик, ты сегодня найдешь работу: я это чувствую.

– Да, работу... Может быть, достану работу.

Валерий надевает потертую пальто и идет к дверям. Но ему не хочется расставаться с подругой, он останавливается в дверях, колеблется.

– Лапу, – наконец, произносит он, – лапу, разбойница.

– Уходи, Валик; будет лизаться, – тихо говорит Маруся своему другу, снимая с его пальто какую-то соринку, и подталкивает его к дверям, – да, ну же, какой лентяй! Еще увидимся – не в последний раз...

– Ухожу, ухожу, родная, – не скучай без меня.

– Вот выдумал! Ты мне и так надоел хуже горькой редьки, – смеется Маруся, потом строго грозит пальцем и полушутливо, полусерьезно запрещает перемигиваться со встречными женщинами.

– Маруся! – обижается он, она краснеет и смущается:

– Ну, ну... я это так... на всякий случай...

Выталкивает его за дверь. Оставшись одна, долго смотрит в окно на крышу соседнего дома и задумчиво щелкает по подбородку пальцами, потом садится за стол, роется в рукописи – находит место, на котором остановилась вчера, и начинает постукивать ремингтоном.

* * *

А Валерий бродит по улицам грохочущего города и продает свои молодые руки. Кругом высокие дома – как каменные гробницы; сверху свинцовое небо, такое пасмурное и тяжелое. Вот-вот оно рухнет и прикроет свою громадою хлопотливых людей, зверей-тружеников, и эти высокие дома-гробницы.

– Вам, кажется, надо приказчика?

– Да, надо, – отвечает старик с окладистой бородой.

– Может быть, я?..

– Где раньше служили? – сухо спрашивает старик, не отходя от конторки и мельком взглядывая на Валерия. – Есть рекомендации?

– К сожалению, – мнется Валерий, но старик нетерпеливо его прерывает:

– А залог?.. Что?.. И залога нет?.. Нет, не годитесь.

Валерий раскланивается и идет дальше.

Курить! Курить! – смертельно хочется курить.

Останавливается у витрины писчебумажного магазина. Рядом с ним какой-то подросток-гимназист пожирает глазами открытку с нагой женщиной. Он впился в ее бесстыдно торчащие груди и, вероятно, целует эти покатые плечи, быть может, и белый, что кипень, живот.

– Вы курите, дорогой?

Гимназист вздрагивает и отчаянно краснеет:

– Да, да, да!

– Я тоже курю, – грустно сообщает Валерий; гимназист догадывается – в чем дело, и поспешно вытаскивает из кармана сиреневого пальто портсигар.

– Не угодно ли?

– Благодарю. Простите, что потревожил.

Гимназист вторично краснеет, словно опущенный в кипяток рак, а Валерий закуривает папироску и шагает дальше.

Какое наслаждение! Он втягивает в свои легкие струйки табачного дыма, он смакует его, как закоренелый пьяница вино, – его голова слегка кружится, но это так приятно.

Но, Боже мой, не унизился ли он?

Валерий волнуется и с видом кающегося грешника бросает папироску на асфальт тротуара. Но потом порывисто нагибается, поднимает ее, очищает от приставшей грязи и снова затягивается опьяняющим дымом.

– Слава Богу! Не подмокла... А ведь рядом, рядом маленькая лужица в выбоине.

– Да и то сказать, в сущности, никакого унижения здесь нет. Болезненное самолюбие! Глупая щепетильность! Вовсе он не просил, а лишь намекнул, и кому – мальчику: у молодых еще хорошие сердца, от них можно. Наконец, он поступил, как джентльмен с этим гимназистом. Другой ударил бы по плечу и оскорбил: «что вы здесь делаете, почтенный?» Да, да, бывают ведь такие нахалы.

Валерий успокаивается и с легким сердцем докуривает папиросу.

И опять:

– Купите руки! Купите труд.

Но их никому не нужно.

Проехало открытое ландо: какая-то красавица в атласе и с золотыми браслетами на смуглых руках, а рядом с ней кругленький господин в цилиндре и, кажется, с гвоздикой в петличке.

Валерию вспоминаются столбцы объявлений, где разные господа с беззастенчивостью продажной девки предлагают для использования свои упитанные тела.

– «Молодая вдова, скужающая в одиночестве».

– Или так: «Красив, шатен, хорошо обеспечен... Предъявителю такой-то десятирублевой кредитки».

Валерий злобно усмехается и гордо поднимает свою рыжую голову. Навстречу шагает сухощавый субъект в пальто шоколадного цвета и пуховой шляпе. Валерий слышит, как стучат по асфальту его франтовские башмаки с лакирован-

ными носками, и видит золотой набалдашник трости, которую франт держит за спиной.

– Дорогу! – Валерий подходит к нему вплотную и угрожающе смотрит в бессодержательные глаза.

– Дорогу! – Горят щеки, они окрашены яростью, по телу пробегает дрожь бешенства, а правой рукой Валерий крепко сжимает в кармане семизарядный револьвер. Как-никак, а сейчас он весело улыбнется... Посторонится франт или нет – это все равно. Раз, два...

– Послушайте! – возмущается франт, Валерий сверкает глазами и мысленно считает:

– Три... – но шоколадное пальто трусливо смешивается со снующею мимо толпой и исчезает.

Секундой позже, и Валерий бы его ухлопал, с радостью бы ухлопал, потому что зол, как цепная собака.

Торжество победителя.

Но и тихое сердце говорит:

– Не совсем-таки хорошо...

– Не хорошо...

– Совсем даже не хорошо...

...Черные думы и мысленные плевики в самого себя.

Валерий проходит мимо блестящих рядов богатых магазинов: высокие зеркальные стекла, замысловатые вывески, витрины, заваленные разным добром. Вот здесь продают слоеные пирожки, нежные, как сказки Шехеразады, – они тают во рту, словно снежинки на щеках молодой девушки.

А торты? Шоколадные торты, стоящие в такой задумчивой позе? – Неправда ли, они похожи на ассирийских мудрецов, созерцающих бесконечность?.. Или вот здесь – эти солидные окорока... – Ломтик ветчины, помазать горчицей, на хлеб... и... хе-хе-хе! Прекрасная штука.

– Хочется жрать.

– Да! да! так и надо было этого прохвоста... Почему плохо? – Ерунда. Леня, а то еще раз проделал бы такую же штуку.

Валерий останавливается у витрины магазина и злобно рассматривает черные сюртуки на краснощеких манекенах и бальные дамские наряды.

– Гм!

Многозначительный кукиш.

Валерию вспоминается один флегматик. Когда у него изнашивалось платье, он заходил в магазин и выбирал самое лучшее. Старое он оставлял купцу на память, а новое одевал и, посмотревшись в зеркало, беспечно направлял свои стопы к выходу.

– Господин! – изумлялся купец.

– Что вам угодно? – повертывался тот.

– Денежки-с?

Но флегматик сообщал тогда: денежек у него не имеется, а платье нужно.

– Я увидел, что у вас много, и зашел...

Купец начинал горячиться, как задорный петух, и багро-

вел от возмущения, но тот медленно вытаскивал из кармана браунинг, молча показывал его и удалялся с сознанием собственного достоинства. Гениальный способ пополнения своего гардероба, но – увы! – несть пророка в своем отечестве: вместо лаврового венка его наградили пеньковым галстуком.

Струйка шутливого настроения. Валерий усмехается и продолжает путь дальше.

– Да-с, черт возьми, есть еще смелые люди.

Вдруг перед ним встает сцена с шоколадным пальто, и Валерий с гордостью думает, быть может, и он – смелый:

– Плевать на работу: нет и не надо...

– А если завтра? Если еще поискать?

– Ну, хорошо! Поищем и завтра, а на сегодня довольно.

Усталость и равнодушие. Валерий медленно пробирается к скверу с жиденькими деревцами. Садится недалеко от входа на низенькую скамью. Рядом какая-то барышня, очень похожая на его Маруську, такая же славная. Сидит с портфелем «Musique» и что-то задумчиво вычерчивает концом зонтика по песку. Вероятно, поджидает кого-нибудь на свидание.

– Ага! Она вычерчивает маленький домик... Но – зачем же такая большая труба?

Валерий не выдерживает:

– Бога ради, не такую трубу: она портит весь рисунок.

Барышня поднимает на него откровенные глазки и колеблется:

– Вы думаете?

– Да! да! пожалуйста, сотрите верхушку.

Ах! – какая она бестолковая, – Валерий морщится и с досадой наблюдает за движением зонтика. Ну! Теперь труба стала кривой. Возмутительно!

– Крива! Крива теперь! Понимаете – крива! – раздраженно бормочет он соседке, она послушно исправляет, потом снова взглядывает на него и усмехается:

– Вот комик... как вас зовут?

– Валерием.

– А... а, это хорошее имя... – И замолкает.

Так они сидят с полчаса: ничего не говоря и лишь поглядывая на рисунок. Наконец, он окончен – прекрасный маленький домик, даже с крыльцом и псиной будкой. Тогда Валерий подымается и молча подает барышне руку. Она ее крепко пожимает и долго провожает глазами незнакомца в потертом пальто.

Затем подходит юноша, которого она любит.

– Какой ты скучный, – встречает она его, недовольно разглядывая, сейчас я познакомилась с одним милым человеком. Как он занимательно говорит, но, кажется, у него горе.

Юноша надувает губы и сердится.

А Валерий идет тихим шагом приговоренного к казни, потому что в его душу вошло отчаяние.

Опять день... Опять прошел день, и опять никому не нужны эти подлые белые руки. Сегодня – завтра: все равно... Э-эх! Уж погибать, так с треском.

– Стать смелым!

– Не хочу я, чтобы Марусяка голодала...

Крутую лестницей, грязной и темной, взбирается он, машинально считая ступени и прислушиваясь к звуку своих шагов. Звонит, ждет, ленивой походкой проходит в комнату, где Маруся постукивает ремингтоном, и с озлоблением швыряет пальто на кровать.

– Опять ни черта!

– Брось, родной; соскучилась я без тебя...

Обнимает его ласковыми руками.

– Валик! Давай варить кашу, ее еще фунтов пять осталось.

– Давай.

За окном копошится город, переваривая в своей утробе людей и зверей-тружеников.

* * *

Ремингтону – вечная память: продан и унесен.

– Валик! – говорит Маруся, – мы это время, как маленькие цари.

– Да! Это верно: как маленькие цари.

Пир на весь мир: комната утопает в табачном дыму, пытит – отдувается белым паром пузатый самовар: есть и табак, и сахар, и булки, и даже целая дюжина пирожных. А обжора в дымно-серой шубке валяется на кровати и благодушествует: понабил-таки он свое грешное чрево, плотненько пона-

бил; кудрявая хозяйка третью неделю угощает его прекрасным сырым мясом, о котором он и мечтать было перестал. Он его терзает, как тигр-победитель добычу; ворчит, будто скряга над золотом, наконец, впадает в сладостное забытьё. Словно сквозь розоватую дымку видит он пузатый самовар, лампу с голубым абажуром и лица своих покровителей, но отяжелевшие веки смыкаются, и, умиленно мурлыча лирическую песенку, он засыпает. Прекрасное житьё и прекрасные люди – молодые хозяева!

Благодушествуют и они.

– Давно надо было, Валик, так сделать. Я поступлю машинисткой и гораздо больше заработаю.

– Ну, конечно, – соглашается Марусин друг. Право, ему сейчас ни о чем не хочется думать... Все уладится и будет прекрасно.

Потом они читают. Спорят, горячатся и перебивают друг друга, но это ведь так приятно, потому что «я» и «ты» – это «мы». Тихонько-тихонько наблюдают друг за другом и радуются...

Какая упорная, какая настойчивая головка.

– Маруська! Я оттреплю тебя за косы...

И смеются:

– Попробуй!

А за стеною зловещая выюга, настала скучно-белая зима. Выюга напевает свои дикие песни – о увядших цветах, о печальном кладбище, где зябнут в гробах мертвецы.

Постепенно смолкают радостные споры и беспечный смех.

– Мне страшно.

Маруся садится на колени к Валерию и крепко его обнимает, склонив свою темнорусую голову на его плечо.

– Воет... воет... И так уныло. Она, как злая старуха: сидит и проклиняет.

– В лохмотьях...

– С гнилыми зубами...

– Оставь! – хмурится Валерий, – пойдем спать, Марусик.

И бережно переносит ее на кровать.

– Я тебе расскажу хорошую-хорошую сказку: сейчас придумал. Про светлое озеро и двенадцать лебедей. Белых лебедей с золотыми коронами на головах. Ты хочешь, моя Кунигунда?

Но темен страх и полна душа смутной тревоги.

– Я не хочу быть твоей Кунигундой: Оскар ведь на ясной поляне.

– Брось, родная, брось... Вот я целую твои ножки, потому что ты мое солнышко... Понимаешь это, Маруся? А?

Тиха душа у Валерия – незлобив он и мягок, и много в его сердце нежных слов для любви.

– Люблю тебя, милый... Иногда мне кажется, что кругом табуны диких зверей – грызутся и щелкают клыками, – а ты поднял меня и куда-то уносишь... Родной мой!

– Вот длинный-длинный туннель... Темно в нем и где-то

сокрыта в нем бездна. Мы идем ближе, ближе... И вокруг темно, и впереди бездна... Мне страшно, милый!

Маруся думает о машинке. Есть нечто тайное в вещах, как в человеке душа, полное безмолвного смысла и неуловимое. А у человека к этим вещам есть нечто, более глубокое, чем привычка.

– Не надо, Маруся, перестань. Уладится, – говорит Валерий, обнимая ее. Но и сам он тоскует, и в мысли его входит отчаяние.

Приближается Голод – слепой и прожорливый, не щадящий ни стариков, ни белоголовых детей: Голод безжалостен.

Не щадит он и любящих...

– ...Слушай, Маруся: жили три брата, три витязя. Ты слышишь, Маруся?

– Слышу, – уныло и как-то по-детски лепечет она, прижимаясь к своему верному другу.

– ...А с ними сестра, – продолжает Валерий, – очи, как звезды, черные косы – до пят.

...Тоскливая тишина. Маруся молчит, уткнув свое лицо в подушку, потом также молча приподнимает голову, ее алые губы ищут губ Валерия, находят и сливаются в томительном поцелуе.

– Никому не отдам... мой ты, мой, мой! – с тоскливой упорностью шепчет она, но вдруг что-то обрывается в ней, и она начинает безутешно плакать. Теплые росинки-слезы падают на лицо Валерия и высыхают, снова падают и снова вы-

сыхают. И великая любовь пробуждается в сердце Валерия – к ней, все же такой слабенькой и близкой – неразделимой с ним, Валерием.

«Мужчина я!» – говорит он себе и думает о «нем». У него семь плевков, а каждый плевок сама смерть. Стать смелым и кровавым; завоевать свое право любви! Так! Так!

– Валик, родной, брось его, продай. Я знаю, что ты думаешь все эти дни. Ты попадешься... Мы достанем работу, много работы, оба достанем, непременно достанем, – ведь у нас еще есть время, родной! – беспомощно лепечет Маруся, Валерий усмехается и ничего не говорит. Не видит, нет, но знает она, что он усмехается, и снова теплые росинки-слезы сбегают на лицо Валерия и высыхают там.

Много страдания.

Но вот жгучие ласки и бесконечные поцелуи.

Бурлит в жилах кровь, потому что она молодая, и уплывают в неизвестную даль и мир, и Завтрашний День, – все, все.

Но стучит косматая Вьюга в окно костлявыми пальцами и поет странную песню.

Валерий прислушивается и кажется ему, что она поет про волка, полюбившего волчицу:

Волк любит волчицу. У-у-у!

Волк любит волчицу. У-у-у!

Поляна... Искристо-белые снега и бледная луна. Волк и волчица идут к селу согреться чьею-то теплою кровью, потому что холодно – холодно...

Протяжно воют.

* * *

Маруся спит, а Валерий гладит ее шелковистые волосы и думает...

– Кровь? – пускай! Все равно... Удастся – и они уедут далеко-далеко...